

Р. Г. Назиров

Закат Батюшкова

Рассказ Р. Г. Назирова о Батюшкове

Ранние художественные опыты Р. Г. Назирова, в основном, были построены на бытовом материале жизни советского человека 1950-х и 1960-х годов: студенты, инженеры, заводские мастера, помещаются в по-чеховски (или в духе Хемингуэя) скупые на события, но психологически насыщенные обстоятельства роману.

Сама в обратной временной перспективе, с нашим знанием о том, кем стал Назиров, не став прозаиком, кажется совершенно естественным, что, посвятив свою научную жизнь русским писателям, он не мог оставить их без внимания и в своей творческой жизни. Действительно, в плохо датируемый момент (предположительно, 1960-е или 1970-е) Р. Г. Назиров создаёт цикл биографических рассказов под общим заглавием «Рассказы о русской литературе». Сохранился его черновой план с отметками о завершённых текстах:

1. Щедрая осень.
2. Судьба Константина Батюшкова.
3. 14-е декабря Александра Одоевского.
4. Несчастью верная сестра.
5. Рождение шедевра.
6. В III отделении.
7. Провинциал в Петербурге.
8. Премьера «Ревизора».
9. Михайловский замок.
10. Предсказание Белинского.
11. Энтузиаст.
12. Семёновский плац.¹

Перед первыми шестью пунктами и пунктом 12 стоит «+», по всей видимости, означающий завершённость этих текстов. В нашем распоряжении есть машинописи рассказов о Батюшкове и Одоевском. «Пушкинские» замыслы из этого списка, очевидно, вошли в большой биографический роман-хронику², одним из вариантов заглавия которого был следующий: «Призраки Михайловского замка» (ср. пункт 9 в списке выше). Судьба планировавшихся рассказов о Гоголе (пункты 7 и 8) и о Достоевском (нет

¹ АРГН, оп. 1., д. 58., л. 58-27.

² АРГН, оп. 1., д. 79, 80, 81.

сомнений в том, что именно ему должны были быть посвящены тексты под номерами 10 и 11) нам неизвестна. Возможно, они так и не были написаны.

Рассказы о русской литературе в отличие от большинства художественных опытов Р. Г. Назирова публиковались в печати при жизни автора. В газете «Вечерняя Уфа» под заглавием «Судьба Константина Батюшкова» был опубликован текст, значащийся в композиции цикла под номером 2 (далее – ГС). Публикацию также сопровождает общее название «Рассказы о русской литературе», данное как имя газетной рубрики.

В архиве автора этот текст представлен тремя машинописными редакциями, ни одна из которых не тождественна газетной публикации, и две имеют альтернативное заглавие «Закат Батюшкова» (далее РЗ и ПЗ). Датировать эти редакции даже относительно друг друга чрезвычайно трудно. Тексты имеют порой существенные отличия (эпизод с цветочницей в Неаполе, замечание об офицерах Мюрата и т. д.), однако, не ясно, стали ли эти отличия следствием распространения или сокращения в процессе работы. Косвенным обстоятельством для относительной датировки может быть лист 58-18 из дела 58, озаглавленный «Дополнения к “Закату Батюшкова”» и содержащий пометы об эпизоде со стихотворением «Жуковский, время всё проглотит...», которое связано для Назирова с попыткой «обосновать устойчивость моральных ценностей» в строках «Нет смерти сердцу, нет её!..» и изречением Мельхиседека. Действительно, в РЗ и в ГС упоминания об этих стихах отсутствуют. Если исключить, что из ГС стихи были убраны редактором из соображений экономии места (а другие стихотворные цитаты в ГС есть), то можно предположить, что РЗ – это ранний вариант, предшествовавший ГС, после публикации которого автор продолжал разработку темы и сделал несколько важных дополнений о психологической эволюции своего героя. ПЗ и ещё одна редакция (далее ПС) были созданы уже с учётом этих дополнений.

Если эти соображения верны, то это не прибавляет ясности в ситуации с заглавиями рассказа. Признанная нами ранней редакция РЗ озаглавлена «Закат Батюшкова». Предположительно следующая за ней ГС имеет название «Судьба Константина Батюшкова», две поздние редакции также демонстрируют вариативность: «Судьба Константина Батюшкова» (ПС) и снова «Закат Батюшкова» (ПЗ). Вероятно, автор колебался в выборе, ср. его собственное замечание: «Тихой трагедии Батюшкова не сыскать названия». Обращает на себя внимание и то, что упомянутый выше лист дополнений имеет в виду название «Закат Батюшкова», хотя логично было бы предположить, что эти заметки сделаны уже после ГС.

Из двух предположительно поздних редакций ближе всего к ГС стоит ПС. Она имеет то же заглавие; как и ГС, содержит импрессионистические заметки об элегии «Тень друга» и «Мои пенаты», эпизод с уличными торговцами. В ПЗ эти пассажи удалены. Если соединить эти наблюдения с требованием сокращать как важнейшим элементом писательской стратегии Назирова³, то позднейшей редакцией следует признать ПЗ. По ней

3 См. Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова. С. 25.

ниже и публикуется текст с пометами, сообщающими о наиболее существенных расхождениях между этим текстом и другими вариантами.

Этот текстологический экскурс представляется важным с концептуальной точки зрения, так как его выводы позволяют проследить динамику работы Назирова над текстом, а значит, приоткрыть завесу над его эстетической программой, напрямую соотносившейся и с литературоведческими трудами. Благодаря сравнению редакций, выстроенных на временной оси, становится возможным отделить главное от второстепенного и яснее представить себе иерархию литературных приёмов и смыслов. Но пока что их описание – дело будущего.

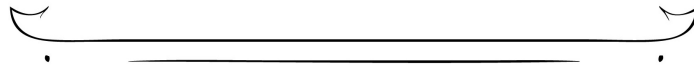
Назирова-литературовед не писал о Батюшкове специально, как не писал он специально работ и о других лирических поэтах, интересуясь преимущественно нарративными текстами. В некотором смысле этот рассказ можно считать компенсацией этого недостатка для универсалистской личности Назирова.

Рассказ захватывает период погружения поэта в безумие и общим планом даёт все последующие события. Внешние знаки художественной прозы (пейзаж, диалог, маркированные формы нарратора) в нём редуцированы, по манере повествования текст напоминает эссе и опирается на реальные биографические свидетельства⁴. Если принять предложенную выше текстологическую версию отношений редакций между собой, то отчётливо видно, насколько последовательно Назиров избавляет повествование от всякой беллетризованности, удаляя все сценки с участием Батюшкова и других персонажей. Главным конструктивным моментом для автора становится историко-этическая трактовка произошедших с русским поэтом событий: «Его замучила чёрная российская действительность в обличье самой мирной дипломатической службы. Его убил демон канцелярий». Этический аспект волнует Назирова и в его писательской, и в его литературоведческой ипостаси⁵.

Борис Орехов
НИУ Высшая школа экономики

4 Ср. эпизод о рисунках Батюшкова во время болезни с *Кошелев В. А.* Константин Батюшков: Странствия и страсти. М., 1987. С. 304.

5 См. об этом *Орехов Б. В.* Очерк малой прозы Р. Г. Назирова; Шаулов, С. С. «Назирковский» Достоевский // Назирковский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. — Уфа: Издательство БГПУ, 2011. — С. 17—24.

Врез¹:

21 июля 1822 года Пушкин писал из Кишинёва брату Льву: «Мне писали, что Батюшков помешался: быть нельзя; уничтожь это враньё». К сожалению, это была правда.

Г².

Изгнанный из России бедностью и тоской, поэт Константин Батюшков служил сверхштатным секретарём русской дипломатической миссии в Неаполе. Человек болезненный и хрупкий, с тяжёлой наследственностью (мать сошла с ума вскоре после его рождения)³, он на первых порах воспрянул духом в Италии и написал ряд прекрасных стихов. Но вскоре тоска и прежняя хандра догнали его и под небом Неаполя.

В письмах к друзьям он изливает свою тоску по России, горячо интересуется новинками родной поэзии⁴. В 1819 году он узнаёт, что повеса и ветреник Пушкин, чей талант он и ранее ценил и чей рассеянный образ жизни всегда порицал, написал замечательную поэму «Руслан и Людмила».

¹ Судя по термину «врез», рассказ предполагался для публикации в газете. Однако в ГС эпитафия отсутствует.

² Вариант начала в ПС:

«Адъютант генерала Раевского, участник ряда сражений, поэт Константин Батюшков вступил в Париж в рядах русской армии. Наполеон отрёкся от престола и отправился на остров Эльбу. В Европе воцарился мир. Бурбоны вернулись во Францию.

Через Англию, Швецию и Финляндию Батюшков вернулся в Петербург. Когда он отплывал из Англии, ему вспомнился его друг Петин, погибший под Лейпцигом, и Батюшков написал одно из лучших своих стихотворений — «Тень друга». Оно начинается словами:

Я берег покидал туманный Альбиона:

Казалось, он в волнах свинцовых утопал.

За кораблём виляла гальциона,

И тихий глас её певцов увеселял...

И далее говорилось о том, как поэту явилась тень погибшего друга.

У Батюшкова было воображение скульптора. Всё, что у других поэтов было штампом, окаменелой аллегорией, взятой из греческих антологий, оживало и становилось выпуклым под пером Батюшкова. Античный Кронос, неутомимый бог времени, приобрёл реальные черты:

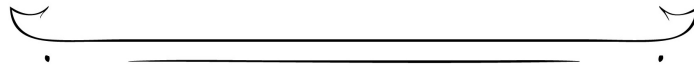
Пока бежит за нами Бог времени седой

И губит луг с цветами Безжалостной косой...

Вакханка у Батюшкова опоясана венцом из жёлтого хмеля, и в портрет её вводится изумительная деталь: «и уста, в которых тает пурпуровый виноград...» Так мог сказать только Батюшков. Наглядность его словесных изображений превосходила всё, написанное до него. Но он был и удивительно музыкален, виртуозно подбирал слова по их звучанию. Наконец, он был несравненным изобретателем новых и удивительно энергичных выражений. Русская поэзия навсегда запомнила его строки: «о память сердца! ты сильнее рассудка памяти печальной...» Это он первым назвал свою эпоху: «железный век» (что повторили за ним и Баратынский, и Блок). Это он, вспоминая сражение при Гейльсберге, написал потрясающую строку: «...Что медной челюстью гром грянет с сих холмов». Стихотворение хорошо в целом, но эта строка не может не восхитить: сравнение Батюшкова сжато передаёт картину батарей на высотах, где торчат, словно зубы, медные стволы пушек — и в целом получается «медная челюсть». Но разве перечислишь все красоты этого удивительного мастера!

В России жилось ему трудно. В 1817 году вышли его «Опыты в стихах и прозе»: они принесли ему славу среди настоящих ценителей, но, конечно, не дали материальной обеспеченности. Батюшков был беден и хворал. Весной 1818 года он отправился лечиться на Юг, оставив в Петербурге прошение о зачислении на службу в одну из русских миссий в Италии. В Одессе поэт получил письмо от Александра Тургенева с известием, что прошение удовлетворено: Батюшков был назначен сверхштатным секретарём русского посольства в Неаполе. Желание его осуществилось. Через Варшаву, Вену и Рим он отправился к месту новой службы».

³ РЗ: «В 1815 году Батюшков влюбился в одну хорошую девушку и получил согласие на брак. Но девушка не любила его и шла за него по воле семьи; Батюшков понял это и вернул ей слово. В последующие годы на него часто нападали приступы беспричинной хандры».

Батюшков пишет друзьям: «Просите Пушкина, именем Ариоста, выслать мне свою поэму, исполненную красот и надежды, если он возлюбит славу паче рассеяния».

Бледный и печальный человек с впалой грудью бродит по улицам Неаполя⁵, наблюдая его живописную нищету и спящих на каменных ступенях лаццарони в их невероятных лохмотьях, среди которых скрываются кинжалы⁶. Прекрасная Италия! Несчастливая и униженная страна!⁷

Он знает, что карбонарии готовят революцию. Их венты (т.е. двадцатки) покрыли всю Италию. Политическая атмосфера королевства Обеих Сицилий насыщена электричеством. Батюшкову это не по душе⁸.

Русский посланник граф Штакельберг невзлюбил сверхштатного секретаря. Этот маленький уродец Батюшков, навязанный посольству из Петербурга по хлопотам Жуковского, пишет стихи в любое время! Граф не признаётся даже самому себе, что боится Батюшкова: взгляд его разбегающихся голубых глаз производит на графа тяжёлое и странное впечатление. Посланник трактует поэта как канцеляриста⁹ и всячески стремится «поставить его на место» — то есть унижить¹⁰.

⁴ РЗ: «Руины городка Байи близ Неаполя вдохновили его на создание одного из прекраснейших его стихотворений ("Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы..."). Это было в 1819 году.

Но в том же году его всеильнее одолевает тоска по России, которую он изливает в письмах к друзьям. Там холодно, там свирепствует Аракчеев. Но там жизнь, родная поэзия и русская речь...»

⁵ РЗ: «Белокурые вьющиеся волосы он подставлял морскому ветерку, обмахиваясь шляпой и глядя на спокойные воды залива, блистающие мириадами маленьких солнечных зеркал. Батюшков был странен, и взгляд его голубых разбегающихся глаз производил тяжелое впечатление. Живописная нищета Неаполя окружала его».

⁶ РЗ: «Кричали уличные торговцы. Группы людей, собираясь на площадях, оживлённо жестикулировали, обсуждали политические новости».

⁷ ГС: «А в России сейчас сенокос.

Батюшков направляется в посольство. Прежняя тоска догнала его и под лазурным небо Неаполя. Но куда это бежит народ?

Слышатся музыка и крики. Играл марш. Толпы людей теснятся, встречая армию и карбонариев, входящих в Неаполь. Батюшков сворачивает в боковую улицу. Ему не по душе неаполитанская революция, во главе которой стоят бывшие офицеры Мюрата».

⁸ РЗ: «Революция 1820 года была начата офицерами-карбонариями в городке Нола. Тотчас после их выступления восстали карбонарии Неаполя, и войска правительства отказались сражаться с ними. Пять делегатов-карбонариев явились в королевский дворец и потребовали от старого труса Фердинанда Первого издать конституционный статут не позднее, чем через два часа.

6 июля 1820 года Батюшков увидел радостные толпы, читавшие прокламацию, которая была этим утром расклеена по всему Неаполю:

“Идя навстречу общему желанию народонаселения Обеих Сицилии иметь конституционное правительство, мы выражаем на это полное наше согласие и обещаем обнародовать основания нового строя отныне в недельный срок.

Фердинанд”.

— Да здравствует свобода! Да здравствует король!

Какой-то почтенный синьор обнял Батюшкова. Тот раздражённо и довольно резко высвободился из его объятий:

— Прошу вас оставить меня в покое, я иностранец.

— О, простите, простите! У нас такой день! Выпейте с нами синьор, разделите нашу радость!

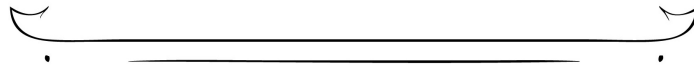
— Не вижу особых причин радоваться, — желчно ответил Батюшков, уходя прочь.

Эти карбонарии, эти бывшие офицеры Мюрата казались ему врагами. Ведь он сражался против Наполеона, был ранен при Гейльсберге, а в битве при Лейпциге потерял своего лучшего друга... Маленькая фигурка, гордо выпрямившись, прошла сквозь весёлые толпы, размахивающие руками.

— Снова будут сажать деревья свободы и рубить головы всем, кто сморкается в платок! — сказал он в этот день одному из младших сотрудников русского посольства. — Эти лаццарони хотят повторения того, что было в Париже четверть века назад.

— Наш государь не допустит этого, - ответил его собеседник, и это обернулось пророчеством».

⁹ РЗ: «Он терпеть не мог Батюшкова и считал его лентяем».

В июле 1820 года Батюшков становится свидетелем неаполитанской революции¹¹. Армия и карбонарии торжественно вступают в город, и через четыре дня старый обманщик король Фердинанд присягает на верность конституции¹². У графа Штакельберга хлопот полон рот: ведь революцию придётся подавлять, Священный Союз не потерпит никаких конституций в Неаполе, и царь Александр при этом будет играть первую скрипку. Густав Оттонович понукает всех в посольстве и грубо распекает секретаря Батюшкова.

Он поручает ему составить бумагу, содержание которой расходится со взглядами Батюшкова. Поэт пытается высказать графу свои соображения¹³.

— Что? Соображения? — граф Штакельберг краснеет от гнева. — Да вы понимаете, молодой человек, что такое политика? Это вам не стишки писать! Вы не имеете права рассуждать!

В письмах Батюшкова на родину сквозит его тоска. «Он, говорят, скучает и глупою работой замучен», — сообщает о нём Вяземским одному из общих друзей.

Среди иных стихов Батюшков написал в Неаполе прекрасную эпитафию ребёнку и послал с Блудовым в Петербург. В салоне Карамзина эту эпитафию увидел пронырливый журналист Воейков и тиснул её по памяти в «Сыне отечества» — конечно, с искажениями. Блудов вступился за приятеля и опубликовал письмо к издателю с перечнем ошибок и искажений, сделанных Воейковым. Тот ответил в том же журнале, оправдываясь крайне бестактно и даже утверждая, что у Батюшкова встречаются такие же небрежные рифмы. Всю эту полемику в «Сыне отечества», регулярно получаемом в посольстве, читал Батюшков и чернел от раздражения. Ему начинало казаться, что всё это кем-то подстроено.

II

¹⁰ ПС: «— Что делает этот маленький уродец? — спрашивает граф Штакельберг, русский посланник в Неаполе, у первого секретаря посольства.

— Господин Батюшков? О, конечно, пишет стихи, — отвечает первый секретарь.

— Навязали на нашу голову! — скрипит граф. — Он пишет стихи во всякое время. А всё интриги Жуковского! Он проявляет своё великодушие, государыня его слушает, а что нам делать с этим стихоплётом? Пора поставить его на место!»

¹¹ В ПС эпизоду революции предшествует такая зарисовка: «— Цветы, синьор, купите цветы!

— Синьор иностранец, апельсины, апельсины!

— Цветы, синьор, свежие розы для вашей невесты!

Иностранец горячим и печальным взглядом окинул весёлую цветочницу в живописных и ярких отрешках и ответил тихим, напряжённым голосом:

— У меня нет невесты, синьорина!

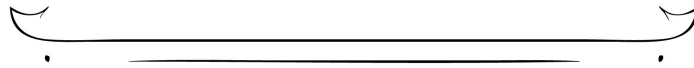
Слегка испуганная неслыханно учтивым обращением и в особенности взглядом иностранца, девушка с корзиной цветов отстала от Батюшкова. Бледный и печальный человечек с впалой грудью бродит по улицам Неаполя, наблюдая его весёлую нищету и спящих на каменных ступенях лаццарони в их невероятных лохмотьях, среди которых скрываются кинжалы. Прекрасная Италия! Несчастливая и униженная страна!» В ГС: «Какое солнце! И какая нищета! Прекрасная Италия, несчастная и униженная страна...»

¹² ПС: «Батюшков мрачен: во главе революции стоят бывшие офицеры Мюрата. Ему доводилось сражаться против этих господ...»

¹³ ГС: «Он не отвечает на поклон вошедшего Батюшкова. Хмуро постукивает ногтями по столу, затем откидывается в кресле.

— Сударь, я поручил вам составить бумагу для отчета министру. Где она?

— Ваше превосходительство, — глухо отвечает Батюшков, — суть сего поручения расходится с тем, что я почитаю истиной. Сблаговолите выслушать мои соображения...»

Придирки Штакельберга стали невыносимы¹⁴. В конце 1820 года Батюшков получил отпуск для лечения и поехал в Рим, а оттуда — на воды в Теплиц, известный курорт в Богемии. Он становился всё более мрачным и мнительным. В 1821 году он оставил службу по болезни.

Батюшков борется против своей страшной, засасывающей меланхолии¹⁵. В Дрездене в 1821 году происходит его встреча с Жуковским. Батюшков вписывает в альбом друга стихотворение, начинающееся мрачными словами:

Жуковские, время всё проглотит,
Тебя, меня и славы дым...

Однако он всё же говорит далее о непреходящих моральных ценностях:

Нет смерти сердцу, нет её!
Доколь оно для блага дышит.

И в том же году он пишет безнадежное стихотворение без названия — так называемое «изречение Мельхиседека», говорящее о бессмысленности человеческой жизни. «Рабом родится человек, рабом в могилу ляжет...»¹⁶

Его мечта — свобода и одиночество.

Между тем, в том же «Сыне отечества» Плетнёв публикует стихотворение под заглавием «Б...в из Рима», написанное под впечатлением тоскливых писем Батюшкова¹⁷.

В нём говорится как бы от имени русского поэта в «Риме:

Я снял свой миртовый венец
И дни влачу без славы...

¹⁴ РЗ: «1 октября в Неаполе собрался парламент. Над революцией уже нависла угроза: Священный Союз составлял планы уничтожения неаполитанской конституции. Царь Александр, прусский король и австрийский император собрались в Троппау обсуждать “неаполитанский вопрос” и пригласили Фердинанда. Король просил разрешения на выезд у парламента и торжественно обещал отстаивать на конгрессе монархов права своего народа. Незадолго до нового года, поклявшись быть верным конституции и защищать её с оружием в руках, если понадобится, Фердинанд уехал из Неаполя. Он вернулся через три месяца в обозе австрийской армии, которая задушила революцию. Но Батюшков не видел пятого акта этой драмы».

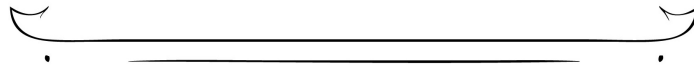
¹⁵ РЗ: «Но поразительно, как ум Батюшкова боролся против болезни. В 1821 году поэт ещё создал свой замечательный цикл “Подражания древним”, проникнутый скорбным и возвышенным чувством. Последний фрагмент цикла призывал к мужеству:

Ты хочешь мёду, сын? — так жала не страшись;
Венца победы? — смело к бою!
Ты перлов жаждешь? — так спустись
На дно, где крокодил зияет под водою.
Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец,
Лишь смелым перлы, мёд иль гибель... иль венец.

В этот последний год своей разумной жизни поэт искал свободы в одиночестве».

¹⁶ ПС: «Батюшков не хочет быть рабом. Он выходит в отставку по болезни и возвращается в Петербург. Друзья поражены его неукротимым озлоблением. Они уверяют, что Плетнёв не имел намерения обидеть его. Но он лишь жёлчно усмехается в ответ. — Вы всего не знаете. Если бы я открыл вам некоторые государственные тайны, вы содрогнулись бы от ужаса. Но я связан присягой... должен молчать...»

¹⁷ ПС: «Однажды в руки ему попал свежий номер русского журнала “Сын Отечества и Батюшков с жадностью накинулся на него. Но что это? В журнале он нашёл стихотворение Плетнёва под заглавием “Б...в из Рима”, где от имени русского поэта, находящегося за границей, говорилось:»

Стихотворение вызвало крайнюю обиду и злобу Батюшкова¹⁸. Какая-то тайная нить связывает графа Штакельберга и Плетнёва! Что это — сговор?

Приехав в Петербург, он поражает друзей своим неукротимым озлоблением. Он считает стихотворение Плетнёва сознательным оскорблением.

Плетаев — мой враг! — говорит он, намеренно искажая ненавистное имя.

Терпеливый Жуковский, честный Гнедич пытаются разуверить Батюшкова в его страшных подозрениях — всё напрасно.

Встретив его на Большой Морской, издатель «Сына отечества» Греч уверяет его в неосновательности всех подозрений. Он идёт рядом с Батюшковым и прижимает руку к сердцу.

— Милый Константин Николаевич! Мы все согласны, что элегия плоха, но Плетнёв не думал вас обидеть... Оставьте всё это, я вас помирю.

— Нет, — отвечает Батюшков.

Он не верит Гречу. Он уходит по Исаакиевской площади — маленькая настороженная фигурка: глаза опущены, ветер поднимает фалды его фрака.

В начале 1822 года Батюшков уничтожил всё, написанное в Италии. Несколько раз он покушался на самоубийство¹⁹. У него припадки буйства, бред преследования. Он просит разрешения удалиться в монастырь и постричься в монахи, но безумие его уже слишком явно... И причина его ясна современникам. Баснописец Измайлов сообщает поэту Дмитриеву: «Это следствие полученных им по последнему месту неприятностей от начальства. Его упрекали в том, что он писал стихи, и потому считали неспособным к дипломатической службе» (6 апреля 1822 года).

— Я скоро умру, — твердит Батюшков, озираясь и седея почти на глазах.

Напрасная надежда — безумцы живут долго.

Друзья, особенно Жуковский, прилагают большие усилия для спасения поэта. В 1825 году его везут в Зонненштайн, к известному саксонскому психиатру Пирницу.

Это гуманный врач, которого любят больные. Сначала Батюшков наотрез отказывается принимать лекарства, подозревая яд, но потом соглашается их принимать — но только в присутствии Пирница. Он одиноко гуляет по аллеям Зонненштайна²⁰. Он уверен, что русский посланник в Дрездене Ханыков самовольно держит его в Зонненштайне, и посылает Ханыкову два письма, требуя освобождения. Все посланники — его враги. А нити заговора держит в руках министр иностранных дел Российской империи — проклятый Нессельроде!

Лечение у Пирница не даёт результатов — как и все прочие попытки.

Однажды Вяземский посещает Батюшкова в момент просветления. Он видит множество стихов вокруг больного — Батюшков пишет, но что он пишет?

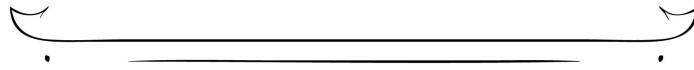
— Что новенького написал ты за последнее время? — спрашивает Вяземский.

— Что говорить о стихах моих! — с горечью отвечает Батюшков. — Я похож на человека, который не дошёл до цели своей, а нёс он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нём было!

¹⁸ ПС: «Он задыхается от бешенства, читая эти стихи. Что хотел сказать Плетнёв? Что значит — “без славы”? Голова Батюшкова кружится. Какая-то тайная нить связывает Штакельберга и Плетнёва! Что это — сговор?»

¹⁹ ПС: «Вскоре домашние снимают его с петли. От него прячут ножи. В начале 1822 года Батюшков уничтожает всё, написанное в Италии».

²⁰ ПС: «В 1825 году по аллеям Зонненштайна, сторонясь от Иисусов Христов и Наполеонов, гуляет в полном одиночестве русский поэт, устроенный к Пирницу стараниями Жуковского. Он знает, что он не бог, не маршал Мюрат, не Наполеон, а просто поэт Константин Батюшков. Он рассуждает внешне логично. И всё же он болен, безнадежно болен».

Его стихи, написанные во время болезни, сумбурны и бессмысленны. В 1828 году его поселяют в Москве, в Грузинах, в специально снятом для него домике. Он по-прежнему бредит и проклинает своих гонителей. Главными из них он считает императора Александра и Нессельроде. Он пишет:

«Хочу смерти и покоя».

«Нессельрод будет наказан как убийца».

Он пишет Жуковскому о каторге, где погибает ежедневно на протяжении почти половины жизни. Он очень страдает.

III

В 1833 году Батюшкова перевезли в родную Вологду, в семью его племянника. Постепенно буйные припадки прошли, но ясное сознание к нему так и не вернулось, малиновая бархатная ермолка не сходила с его белых, как снег, волос. Главным занятием больного было рисование. Он постоянно повторял один и тот же пейзаж: белая лошадь, разноцветные деревья, замок и крест. Вдали — море с кораблями. На тёмном небе — бледная луна.

Уже незадолго до смерти Батюшков спросил:

— Вернулся ли государь из Вероны?

Веронский конгресс закончился в декабре 1822 года. Государя Александра Павловича давно уже не было на свете. Но для безумца время остановилось. Государь в Вероне, Пушкин в Кишинёве, от Жуковского давно нет писем...

Все трое уже умерли.

Он прожил 66 лет. Мог бы жить и дольше, если бы не тиф. Батюшков умер 7 июля 1805 года, на пять лет пережив графа Густава Штакельберга.

Поэта похоронили в Спасо-Прилуцком монастыре, в четырёх верстах от Вологды.

Тихой трагедии Батюшкова не сыскать названия. Изумительный талант, скульптурная пластичность словесного изображения, музыкальность стиха и глубина философской мысли — всё утонуло в бездне безумия, которое мучило его тридцать три года. Явно о нём думал Пушкин, когда с внутренним содроганием писал:

Не дай мне бог сойти с ума...

Батюшкова не убили на дуэли. Его не сослали в Сибирь²¹. Не отправили на Кавказ рядовым без права выслуги.

Его замучила чёрная российская действительность в обличье самой мирной дипломатической службы²². Его убил демон канцелярий.

²¹ ГС: «царь Николай даже назначил ему пенсию... И однако его замучила все та же черная российская действительность».

²² ПС: «Чернильный Чёрт, дьявол канцелярского рабства сожрал разум и жизнь Константина Батюшкова».